

Кейн Майкл
(ангбёр)

11.02.04

МАЙКЛ КЕЙН:

Я перестал быть звездой и стал просто киноактером

70-летний актер Майкл КЕЙН — настолько же британское явление, как дождь. Кстати, его сценический псевдоним Кейн на лондонском жаргоне — кокни — как раз и значит “дождь”. Есть и еще одно значение слова, которое может понравиться тем, кому Кейн несимпатичен, — “боль”. Но таких, надо признать, очень мало. Все 47 лет своей актерской карьеры он в основном вызывал обожание. У английской группы “Madness” в 80-е годы даже была посвященная ему песня, в которой рефреном звучала строчка: “Звать меня Майкл Кейн”. Последние годы британский актер снимается в основном в Голливуде, восхищая своей филигранной работой в таких фильмах, как “Правила виноделов” и “Тихий американец” по роману Грэма Грина. На экраны скоро выходит новый фильм “Заявление” по одноименной книге Брайана Мура, где Кейн играет Пьера Броссара, французского полицейского-коллаборациониста, который отдал приказ о казни семи евреев, а после войны долгие годы находился в бегах. С самым знаменитым голливудским лондонцем беседовал корреспондент журнала “Ньюсуик”.

М. Кейн

— Что привлекло вас в роли Пьера Броссара?

— На данном этапе моей актерской карьеры я специально выискиваю крайне сложные роли, чтобы их было не скучно играть. Французский нацист — это так от меня далеко, что дальше, пожалуй, было не сыскать.

— А какие у вас сохранились воспоминания о военном детстве в Лондоне?

— Все, что я помню, — это как меня увозят в эвакуацию, а потом привозят обратно. Что-то взрывалось, потом наступала тишина, и мы возвращались, уверенные, что самое страшное позади. Думали, война кончится на следующей неделе. Потом снова взрывы. Так и мотались туда-сюда.

— Когда вы прославились в 60-е годы, в Англии было модно иметь рабочее происхождение. Как вы думаете, удалось бы вам выбиться в люди, родись вы на поколение раньше?

— Нет, я так не думаю. Меня бы наверняка не взяли работать в театр. Ведь я начинал в театре. А у меня речь была не поставлена. И еще я из упрямства не хотел избавляться от своего простонародного акцента. По крайней мере, в жизни. Я ведь говорю как положено образованному человеку, только на экране, когда мне за это платят деньги. А остальное время — на кокни. Это и есть настоящий я.

— А что вы думаете о британской классовой системе?

— Она по-прежнему жесткая, но бессильная. Случилось вот что. Когда-то эта система была очень сильна и могла причинять немало вреда. Она существует и сейчас, но только в умах людей. Силенокто не осталось, и вреда от нее нет. Мы оставили ее далеко позади, но даже этого не заметили. Вот она и существует себе, а всем без разницы.

— Вы в свое время снялись во многих слабых фильмах...

— Вовсе нет, ничего подобного.

— Но почему вы согласились сниматься в картине “Челюсти: месть”?

— Что ж, мне приходилось появляться в небольших ролях во многих фильмах. Если тебя приглашают на такую роль, зачем отказываться? Но я отвечаю только за те фильмы, где мне довелось сыграть главную роль.

— В последние годы вы принимаете участие исключительно в сильных фильмах. Решили вовсе отказаться от пустяков?

— Я ведь несколько лет назад решил уйти на покой. Написал автобиографию. Открыл восемь ресторанов. Купил пентхаус в Майами. Рай для пенсионера. Я был абсолютно счастлив и совершенно не скучал по работе. А потом мой старый друг Джек Николсон позвал меня сниматься в фильме “Кровь и вино”. А почему бы и нет, подумал я. Действие фильма разворачивается в Майами, а я здесь и так живу, ездить куда не надо. И я получил такое удовольствие от съемок! И решил возвращаться на съемочную площадку только тогда, когда роль мне по-настоящему нравится. Работать не для денег, а для души. Если надо каждый день вставать на работу в шесть утра, это только тогда легко, когда ты делаешь то, что тебе нравится. Мне пришлось переключиться с ампулы героя на характерные роли. Я перестал быть звездой и стал просто киноактером. В жизни никогда не был так счастлив.

— А какая разница между игрой в кино и на сцене?

— В кино — это поведение и реакции. А в театре ты изображаешь что-то для человека, который сидит в 200 ярдах от тебя на балконе. И то и другое называется актерской игрой, но делать эти совсем разные вещи одновременно очень сложно.

— Вы два раза получали “Оскара” за роли второго плана. Хотите получить за лучшую актерскую работу?

— Конечно, хочу. Но боюсь, уже не успею. Или получу в 85 лет и заору, махая статуэткой: наконец-то, сукины дети, вы мне ее дали!

— Королева пожаловала вам титул сэра. Ваша мать, если бы она дожила до этого, наверное, сошла бы с ума от радости?

— Конечно. К тому же я ведь стал сэром Морисом Миклуайтом. А это мое настоящее имя, фамилия моего отца.

По материалам журнала
“Ньюсуик” подготовила
Катя МИЛОВИДОВА

Культура. — 2004. — 5-11 февр. — с. 15